Дата поступления рукописи в редакцию: 26.06.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 21.07.2025 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2025-6-195-200

ШЕРАШЕНКОВА Екатерина Алексеевна,
К.п.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e-mail smol@ranepa.ru

ФЕДОСКИН Николай Николаевич,
К.п.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, e-mail: nnfedoskin@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье анализируются понятия информации и информационных технологий как объекта государственной политики в сфере информатизации общественных отношений. Информация является ключевым понятием для современной модели государства, а информационные технологии выступают основополагающим звеном в формировании цифрового суверенитета России, а также российской модели электронного правительства.*

Общественные отношения, связанные с государственным регулированием в сфере информации и информационных технологий невозможны без теоретического исследования основных понятий и их содержательного смысла. Например, понятия информационного пространства в научной литературе трактуется как информационное пространство, виртуальное пространство, киберпространство. Авторы отмечают разрозненность нормативно-правового регулирования относительно смысла анализируемых категорий: их трактовки содержатся в разных нормативных актах, наблюдается смысловое противоречие с международно-правовым толкованием, что позволяет говорить о необходимости гармонизации понятийного аппарата в этой сфере на законодательном уровне.

Ключевые слова: *информационное общество, правовое регулирование, цифровой суверенитет, международно-правовые акты, объекты государственной политики.*

SHERASHENKOVA Ekaterina Alekseevna,
PhD., Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

FEDOSKIN Nikolay Nikolaevich
PhD., Associate Professor of the Departmen t of Legal Disciplines of the Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

INFORMATION AND INFORMATION TECHNOLOGIES AS AN OBJECT OF STATE LEGAL REGULATION

Annotation. *The article analyzes the concepts of information and information technology as an object of state policy in the field of informatization of public relations. Information is a key concept for the modern model of the state, and information technology is a fundamental link in shaping Russia's digital sovereignty, as well as the Russian model of e-government.*

Public relations related to state regulation in the field of information and information technology are impossible without a theoretical study of the basic concepts and their meaningful meaning. For example, the concepts of information space in scientific literature are interpreted as information space, virtual space, cyberspace. The authors note the disparity of regulatory regulation regarding the meaning of the analyzed categories: their interpretations are contained in different normative acts, there is a semantic contradiction with international legal interpretation, which suggests the need to harmonize the conceptual framework in this area at the legislative level.

Key words: *information society, legal regulation, digital sovereignty, international legal acts, objects of state policy.*

В эпоху глобальной информатизации общества и проникновения в его жизнь информационных технологий термин «информация» стал особенно актуальным и часто использующимся. Информация является в настоящее время определяющей чертой нашего общества.

Более того, многие ученые отмечают [1, с.20], что современное общество характеризуется не просто как информационное, а уже как цифровое (примерно с 2015 года).

В 2017 году в России указом Президента РФ была введена ныне действующая Стратегия развития информационного общества до 2030 года [2]. Если проанализировать текст данного нормативного акта, то можно отметить следующие основные принципы построения информационного общества в российском государстве:

– гарантированная реализация гражданами права на доступ к информации;
– свобода выбора средств получения знаний при работе с различными типами информации;
– параллельное существование цифровых и нецифровых форм гражданского оборота;
– сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей в информационной среде;
– обеспечение требований законности при обращении с информацией о гражданах и организациях;
– обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере.

Во исполнение указа Президента Правительством РФ была утверждена государственная программа «информационное общество» [3], в соответствии с которой в России к 2030 году, в первую очередь, планируется достижение цифровой зрелости (то есть автоматизированы процессы административного управления, сформированы цифровые платформы во всех ключевых сферах) государственного и муниципального управления.

Легальное определение понятия «информация» закреплено в федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4], согласно которому под информацией следует понимать сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Несмотря на то, что информация как совокупность определенных сведений известна человечеству с древних времен, особого внимания со стороны государства информация как объект регулирования получила только во второй половине прошлого столетия, когда категория информации с развитием науки и техники выделилась в самостоятельную область правового поля.

В то же время информация как имманентно присущая человеческому обществу категория не имеет какого-то унифицированного определения. Ученые из разных областей знаний дают совершенно различные трактовки этому понятию.

Основоположник информационного права России И.Л. Бачило предлагала под информацией понимать «характеристику окружающего мира во всем его многообразии» [5, с. 25].

Так, например, Малышева Н.А. в результате своего научного исследования приходит к выводу о том, что информации присущ критерий экономической ценности, поэтому необходимо на законодательном уровне закрепить важнейшие с этой точки зрения свойства информации: объективность, полезность, практическая применимость [6, с. 89].

Матвеев С.П. подчеркивает, что не любая информация может быть предметом регулирования со стороны государства. Для того, чтобы являться объектом соответствующего правоотношения, урегулированного со стороны государства, информация должна, во-первых, нести «смысловой сигнал» для другого субъекта, во-вторых, поддаваться нормативно-правовому регулированию [7, с. 30].

Куликова С.А. предлагает дополнительные характеристик информации как объекта государственно-правового регулирования, например, достоверность, полнота, своевременность, новизна, неисчерпаемость и так далее [8, с. 10-11].

Именно в связи с многогранностью понятия информации законодатель закрепил в федеральном законе столь широкую дефиницию.

Важность регулирования информационной сферы в настоящее время отмечается также и

принятием в 2016 году и ныне действующей Доктрины информационной безопасности России (Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [9]).

Эффективное государственное регулирование информационной сферы позволит, с одной стороны, ускорить экономическое развитие общества, с другой стороны, обеспечить защиту прав и свобод человека в данной области.

Исходя из анализа текста Доктрины информационной безопасности России можно выделить следующие угрозы:

– информационно-технологическое воздействие на инфраструктуру в военных целях;
– информационно-психологическое воздействие с целью дестабилизации ситуации в государстве;
– информационное воздействие в террористических целях (привлечение к противоправной террористической деятельности новых лиц, разжигание межнациональной ненависти, пропаганда экстремизма и терроризма и т.д.);
– рост масштабов киберпреступности;
– высокий уровень зависимости отечественной инфраструктуры от иностранного программного обеспечения и информационных технологий.

В условиях быстрого развития информационного общества роль государства в регулировании общественных отношений претерпевает существенные изменения, меняется парадигма государственного управления. Современное демократическое государство как гарант правопорядка способно обеспечить информационную безопасность как личности, так и общества в целом – посредством концепции цифрового суверенитета.

Концепция цифрового суверенитета базируется на общей концепции суверенитета государства в контексте информационного пространства.

Если рассматривать суверенитет с позиции классической теории права (то есть как верховенство государственной власти на территории страны, ее независимость от международных субъектов), то мы сталкиваемся с рядом проблем, обусловленных спецификой цифровых отношений.

В первую очередь, само по себе понятие информационного пространства не находит единого толкования среди ученых. В научной литературе встречается, как минимум три его вариации: информационное пространство, виртуальное пространство, киберпространство.

Лихачев Н.А., например, предлагает рассматривать киберпространство и информационное пространство посредством категорий «частного» и «общего», отмечая следующие признаки киберпространства: наличие определенных уровней доступа, неограниченность пределов, определенная «территориальная» привязка (адрес, точка доступа и т.п.). Однако, конкретных критериев разграничения информационного и киберпространства исследователь не выделяет.

Мамычев А.Ю. и Мирошниченко О.И. делают вывод о том, что киберпространство есть информационное поле на базе всеобщей сети Интернет, не имеющее территориальных границ [10, с. 356].

Прончев Г.В. проводит демаркационную линию между понятиями «виртуальная реальность», «цифровая среда» и «киберпространство» посредством определения этих понятий как смежных, пересекающихся, но, однако не являющихся частью друг друга [11, с.52]. Так, ученый отмечает, что цифровая среда есть технологическая организация коммуникативной среды, в то время как киберпространство – человеческие взаимоотношения в этой среде, а виртуальная реальность – категория, относящаяся к ощущению пользователя в цифровой среде.

В то же время в научной среде встречается и иная позиция, согласно которой понятия «киберпространство» и «виртуальная реальность» тождественны. Добринская Д.Е., например, указывает [12, с. 68], что киберпространство состоит из трех элементов: физический, информационный, социальный. Соответственно, созданная виртуальной реальностью среда представляет собой ничто иное как то, куда с помощью цифровых технологий погружаются люди – киберпространство.

Проведенный анализ научных позиций относительно вопроса о соотношении категорий «киберпространство», «виртуальная реальность» и «информационное пространство» позволяет сделать вывод о том, что существенных различий, принципиально влияющих на нормативно-правовое регулирование отношений в информационной сфере, учеными не выделяется. Понятия «киберпространство» и «виртуальная реальность» могут исследователями отождествляться, а могут соотноситься как часть и целое или как смежные категории, однако, это не оказывает значительного влияния на государственное регулирование соответствующих отношений, куда важнее вопрос правовой квалификации самого информационного пространства, его свойств и границ.

В вышеупомянутой Доктрине информационной безопасности России упоминается не только информационное пространство, но и информационная сфера.

Понятия информационного пространства в Доктрине не закрепляется, однако, из содержа-

ния указанных пунктов можно сделать вывод, что отечественный законодатель под информационным пространством предлагает понимать только в контексте международных отношений.

При этом дефиниция информационного пространства содержится в ином ранее упомянутом нами нормативно-правовом акте – Стратегии развития в России информационного общества до 2030 года. В пункте 4 отмечается, что информационное пространство есть «совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры».

Стоит отметить, что международно-правовое понимание информационного пространства несколько иное. Например, в Соглашении о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности от 30.11.2017 в статье 2 закреплено, что информационное пространство есть совокупность информационной инфраструктуры, а также информации, ею обрабатываемой [13]. То есть мы видим, что международно-правовое понимание информационного пространства гораздо ближе к пониманию информационной сферы.

Термин «информационная сфера» употребляется значительно чаще (в пунктах 1, 2, 7, 8, 9, 14, 21, 29, 34, 35. Причем, в пункте 1 дано толкование указанного понятия, в соответствии с которым под информационной сферой понимается вся совокупность информации, объектов и систем, технологий, субъектов, деятельность которых связана каким-либо образом с информацией, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений.

Исходя из анализа указанных правовых норм, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, отечественное законодательство не отождествляет понятия «информационное пространство» и «информационная сфера», наделяя их разным юридическим содержанием.

Во-вторых, информационное пространство рассматривается с позиции отношений субъектов информационной сферы, что позволяет соотнести понятия «информационное пространство» и «информационная сфера» через философско-правовые категории частного и целого.

В-третьих, наблюдается разрозненность нормативно-правового регулирования относительно смысла анализируемых категорий: их трактовки содержатся в разных нормативных актах, наблюдается некоторое смысловое противоречие с международно-правовым толкованием, что позволяет говорить о необходимости гармонизации понятийного аппарата в этой сфере на законодательном уровне.

Еще одной проблемой концепции цифрового суверенитета государства является то, что пространственный критерий (географический, территориальный) в рамках информационных отношений зачастую размывается, исчезает, что затрудняет определение границ суверенитета.

Самарин А.А. считает, что экстерриториальное регулирование информационной среды выходит за рамки государственного суверенитета, поэтому киберпространство должно «саморегулироваться» [14, с. 13].

Однако, в условиях стремительного развития и распространения информационных технологий государство не может и не должно оставаться в стороне от урегулирования этой сферы, поскольку в противном случае такая концепция «саморегулирования интернета» может привести к глобальному росту киберпреступности.

Российское информационное агентство ТАСС сообщило, что по итогам 2024 года в России количество киберпреступлений достигло своего максимума за последние 5 лет.

По состоянию на март 2025 года, как отмечается на портале МВД РФ [15], треть от всех преступлений – противоправные деяния с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Более того, их число уже за прошедшие 4 месяца 2025 года выросло на 3%.

Статистические данные позволяют говорить о том, что в настоящее время концепция невмешательства государства в регулирование информационного пространства терпит поражение. По совершенно верному замечанию Капустина А.И. [16, с. 102], допустить саморегулирование интернета — значит легитимизовать частный произвол.

Возникает проблема соотношения правового и информационного пространства государственного регулирования.

О важности определения территориального действия национального законодательства в информационном пространстве говорят не только отечественные, но и зарубежные ученые.

Так, например, голландский исследователь Лодер А.Р. рассуждает о том, что невозможно применение закона, если не определена юрисдикция, поэтому для регулирования цифровой среды следует добиться понимания того, какие отношения возникают и существуют внутри этой среды, связать это с конкретным государством [17, с. 388].

Невозможно не согласиться с этой позицией, поскольку действие закона невозможно без определения его четких территориальных, временных и субъектных границ.

Среди современных ученых превалирует позиция, согласно которой территория действия цифрового суверенитета определяется исходя из информационной инфраструктуры.

Так, профессор Терентьева Л.В. полагает, что территориальный принцип действия цифрового суверенитета базируется на определении местоположения сервера и регистрации доменного имени [18, с. 125]. Такой подход представляется нам не совсем соответствующим условиям цифровой действительности, поскольку доменное имя может быть зарегистрировано за пределами России, сервер так же расположен за ее территориальными границами, тем не менее складывающиеся отношения в цифровом пространстве могут касаться российского суверенитета. Чаще всего это можно наблюдать в социальных сетях и мессенджерах.

Черемисинова М.Е. в результате исследования приходит к выводу о том, что границы информационного суверенитета строятся вокруг территории государства и технологической инфраструктуры, а также сетевых сообществ [19, с. 36].

Вполне обоснованно можно говорить о том, что в настоящее время цифровой суверенитет определенно выходит за рамки государственной границы, однако по сей день среди ученых и практиков не решена проблема пределов экстерриториальности цифрового суверенитета.

Современные государства все больше стремятся к созданию национальных, подконтрольных государству, платформ и сервисов. Однако, нельзя не заметить, что это не решает полностью проблему государственного регулирования информационных отношений, выходящих за пределы территориальной границы страны. В связи с этим особенно актуальным становится вопрос концепций управления информационным пространством в рамках международно-правового сотрудничества. В этих условиях концепция цифрового суверенитета представляет собой не ограничение классического понимания суверенной власти государства, а лишь расширение суверенных полномочий государства под влиянием глобализации и развития информационных технологий.

Российская модель цифрового суверенитета, находящаяся еще в стадии своего формирования, нуждается в дальнейшем развитии. Необходима, в первую очередь, унификация подходов к пониманию цифрового суверенитета и его сущности, а затем – обеспечение технологической независимости государства в области цифровых отношений. Кроме того, отметим, что государство как гарант обеспечения цифрового суверенитета страны должно в перспективе стать полноправным участником цифровых отношений. Уже на современном этапе становится очевидным, что запретительные меры государственного воздействия в сети Интернет (например, применение мер ответственности к нарушителям правопорядка в виде блокировки сайтов, наложения штрафов и т.п.) – это лишь одна из граней возможной деятельности государства как участника цифровых отношений.

Список литературы:

[1] Бекецкая Ю.М., Осипян М.М., Терехова Ю.А., Кошокова С.Я. Цифровое общество как новый этап информационного общества. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. - № 5. – С. 18-21;

[2] Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы». // «Собрание законодательства РФ», 15.05.2017, N 20, ст. 2901.

[3] Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 313 (ред. от 25.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2025). // «Собрание законодательства РФ», 05.05.2014, N 18 (часть II), ст. 2159.

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448.

[5] Бачило И.Л. Информационное право: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. – 522 с.;

[6] Малышева Н.А. Ценностные свойства информации и их критерии // Пробелы в российском законодательстве. - 2024. - №7. - С. 85-89.

[7] Матвеев С.П. Актуальные проблемы реализации информационных прав граждан. // Административное право и процесс. - 2024. – №12. - С. 29 - 33.

[8] Куликова С.А. Информационное право России. – Саратов, 2010. – 196 с.

[9] Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». // «Собрание законодательства РФ», 12.12.2016, N 50, ст. 7074.

[10] Мамычев А.Ю., Мирошниченко О.И. Суверенитет государства: общественно-политическая трансформация в контексте современных киберреалий. // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. - № 5. – С. 354 – 358.

[11] Прончев Г.В. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия. Часть 2. // Теория и практика общественного развития. - 2022. - № 7. - С. 47–56.

[12] Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни. // Вестник Московского университета. - 2018. - № 1. - С. 52–70.

[13] Соглашение о сотрудничестве государств - членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности. Заключено в г. Минске 30.11.2017. // Бюллетень международных договоров. 2019. N 9.

[14] Самарин А.А. Экстерриториальное действие права. Автореф. канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2016. – 34 с.

[15] Официальный сайт МВД РФ: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - март 2025 года. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/64450541/ (дата обращения: 02.05.2025).

[16] Капустин А.И. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2022. - № 6. - С. 99 - 108.

[17] Lodder A.R. Ten Commandments of Internet Law Revisited: Basic Principles for Internet Lawyers// Information & Communications Technology Law, 2013. - Vol. 22. - N 3. – P. 380-392.

[18] Терентьева Л.В. Концепция устойчивого развития в киберпространстве: вопросы управления и суверенитета. // Право и цифровая экономика. - 2023. - № 4. - С. 21 - 32.

[19] Черемисинова М.Е. Правовой статус субъектов в сети Интернет. Дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2020. – 273 с.

Spisok literatury:

[1] Bekeckaya Yu.M., Osipyan M.M., Terekhova Yu.A., Koshokova S.Ya. Cifrovoe obshchestvo kak novyj etap informacionnogo obshchestva. // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2023. - № 5. – S. 18-21;

[2] Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 N 203 \"O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017 - 2030 gody\". // \"Sobranie zakonodatel'stva RF\", 15.05.2017, N 20, st. 2901.

[3] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 N 313 (red. ot 25.12.2024) \"Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii \"Informacionnoe obshchestvo\" (s izm. i dop., vstup. v silu s 05.01.2025). // \"Sobranie zakonodatel'stva RF\", 05.05.2014, N 18 (chast' II), st. 2159.

[4] Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 N 149-FZ (red. ot 23.11.2024) \"Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii\" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2025). // \"Sobranie zakonodatel'stva RF\", 31.07.2006, N 31 (1 ch.), st. 3448.

[5] Bachilo I.L. Informacionnoe pravo: uchebnik. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2017. – 522 s.;

[6] Malysheva N.A. Cennostnye svojstva informacii i ih kriterii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. - 2024. - №7. - S. 85-89.

[7] Matveev S.P. Aktual'nye problemy realizacii informacionnyh prav grazhdan. // Administrativnoe pravo i process. - 2024. – №12. - S. 29 - 33.

[8] Kulikova S.A. Informacionnoe pravo Rossii. – Saratov, 2010. – 196 s.

[9] Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 N 646 \"Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii\". // \"Sobranie zakonodatel'stva RF\", 12.12.2016, N 50, st. 7074.

[10] Mamychev A.Yu., Miroshnichenko O.I. Suverenitet gosudarstva: obshchestvenno-politicheskaya transformaciya v kontekste sovremennyh kiberrealij. // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. – 2019. - № 5. – S. 354 – 358.

[11] Pronchev G.V. Stanovlenie elektronno-cifrovoj civilizacii: klyuchevye ponyatiya. Chast' 2. // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. - 2022. - № 7. - S. 47–56.

[12] Dobrinskaya D.E. Kiberprostranstvo: territoriya sovremennoj zhizni. // Vestnik Moskovskogo universiteta. - 2018. - № 1. - S. 52–70.

[13] Soglashenie o sotrudnichestve gosudarstv - chlenov Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti v oblasti obespecheniya informacionnoj bezopasnosti. Zaklyucheno v g. Minske 30.11.2017. // Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 2019. N 9.

[14] Samarin A.A. Eksterritorial'noe dejstvie prava. Avtoref. kand. yurid. nauk. – Nizhnij Novgorod, 2016. – 34 s.

[15] Oficial'nyj sajt MVD RF: Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' - mart 2025 goda. - [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/64450541/ (data obrashcheniya: 02.05.2025).

[16] Kapustin A.I. Suverenitet gosudarstva v kiberprostranstve: mezhdunarodno-pravovoe izmerenie. // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. - 2022. - № 6. - S. 99 - 108.

[17] Lodder A.R. Ten Commandments of Internet Law Revisited: Basic Principles for Internet Lawyers// Information & Communications Technology Law, 2013. - Vol. 22. - N 3. – P. 380-392.

[18] Terent'eva L.V. Koncepciya ustojchivogo razvitiya v kiberprostranstve: voprosy upravleniya i sovereniteta. // Pravo i cifrovaya ekonomika. - 2023. - № 4. - S. 21 - 32.

[19] Cheremisinova M.E. Pravovoj status sub-"ektov v seti Internet. Diss. … kand. yurid. nauk. – M., 2020. – 273 s.